

Трофимова Анастасия Владимировна

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НЕЗАКОНЧЕННОГО РОМАННОГО ЗАМЫСЛА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО "МЕЧТАТЕЛЬ"

Статья посвящена одному из нереализованных художественных замыслов Ф. М. Достоевского "Мечтатель". В статье раскрывается содержание понятий "незавершенность", "творческий потенциал". Основное внимание автор статьи концентрирует на реконструкции незаконченного романа Ф. М. Достоевского "Мечтатель", отмечает возможные причины незаконченности текста, опираясь на лакуны замысла, намечает возможные пути его развития.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/48.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 175-178. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

письма», снабдив его подстрочными примечаниями, изложил все обстоятельства создания письма, убийства Филонова, появления «Посмертного письма...» и опубликовал её весной 1907 г. [Там же, с. 345-391]. Летом того же года статья в переработанном и дополненном виде вышла отдельной книгой.

На наш взгляд, интересно то, анализируемое в данной статье, письмо Короленко – единственный пример письма-инвективы, созданный писателем при царском режиме – при том самом режиме, при котором Владимир Галактионович заслуженно считался неблагонадёжным и против которого неоднократно выступал в своих публицистических произведениях. Одновременно при новой, большевистской, власти, при которой писатель прожил совсем мало, его перу принадлежат 34 письма-инвективы Х. Г. Раковскому и 6 писем-инвектив А. В. Луначарскому. Думается, что этот факт необходимо учесть при изучении отношения Короленко к старой власти, против которой он боролся, и новой власти, при которой он тоже остался еретиком (отметим, что в своих письмах Раковскому и Луначарскому Владимир Галактионович неоднократно сопоставлял эти две власти – и не в пользу последней).

Таким образом, в жанре «письма царю» было создано два инвективных текста двумя авторами. «Расцвет» писем-инвектив пришёлся на XX век. Видимо, причина этого в том, что Царь воспринимался как помазанник Божий, и независимо от политических пристрастий и отношения к личности конкретного правителя писателей, обращавшихся с письмами царям, к властям писали чаще в жанре писем-деклараций с изложением несогласия в каких-то вопросах, с разъяснением своей позиции, но это другая жанровая разновидность «письма властителю», имеющая совсем иную тональность.

Список литературы

1. **Короленко В. Г.** Собрание сочинений: в 5-ти т. М.: Правда, 1953. Т. 5. 449 с.
2. **Меламед Е. И.** Цебрикова Мария Константиновна // Русские писатели. Библиографический словарь: в 2-х т. / под ред. П. А. Николаева. Изд-е 2-е. М.: Просвещение, 1990. Т. 2.
3. **Мионов Г.** Короленко. М., 1962. 387 с. (Сер. Жизнь замечательных людей.)
4. **Цебрикова М. К.** Письмо к Александру III. С приложением написанных для настоящего издания воспоминаний автора. СПб.: «Центральная» Типо-литография М. Я. Минкова, 1906. 48 с.

A LETTER-INVECTIVE AS A GENRE VARIETY OF “A LETTER TO THE TSAR”

Surovtseva Ekaterina Vladimirovna, Ph. D. in Philology
Lomonosov Moscow State University
surovtseva-ekaterina@yandex.ru

By the material of the Russian literature of the XIX-XX centuries the article suggests emphasizing a special epistolary genre – the genre of “a letter to a ruler”, represented by two invariants – “a letter to a tsar” and “a letter to a leader”, the definition of such subvariety of a genre as a letter-invective is given. Then the analysis of a concrete material – letters-invectives to the tsar by M. Tsebrikova and V. Korolenko, is conducted. As a result preliminary conclusions concerning the functioning of this genre subvariety in the history of the Russian literature are made.

Key words and phrases: epistolary literature; “a letter to a ruler”; “a letter to a tsar”; “a letter to a leader”; a letter-invective; Russian literature; censorship; literature and power.

УДК 882

Филологические науки

Статья посвящена одному из нереализованных художественных замыслов Ф. М. Достоевского «Мечтатель». В статье раскрывается содержание понятий «незавершенность», «творческий потенциал». Основное внимание автор статьи концентрирует на реконструкции незаконченного романа Ф. М. Достоевского «Мечтатель», отмечает возможные причины незаконченности текста, опираясь на лакуны замысла, намечает возможные пути его развития.

Ключевые слова и фразы: лакуны текста; незаконченные произведения; тексты открытой структуры; незаконченность; незавершенность; мечтательство; герой-мечтатель.

Трофимова Анастасия Владимировна

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия
nastyia-samara@list.ru

ОПЫТ РЕКОНСТРУКЦИИ НЕЗАКОНЧЕННОГО РОМАННОГО ЗАМЫСЛА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «МЕЧТАТЕЛЬ»[©]

Цель данной статьи – попытаться реконструировать незаконченный замысел Ф. М. Достоевского «Мечтатель», оставленный им в 1876 году.

Вслед за Е. В. Абрамовских «под незаконченным мы понимаем текст, случайно не оконченный автором по каким-либо объективным или субъективным причинам. Его принципиальное отличие от незавершенного состоит, прежде всего, в механической недописанности, а не в сознательной установке на незавершенность» [1, с. 56].

Поэтика незаконченного текста, как и незавершенного, определяется «творческим потенциалом» (термин В. И. Тюпы [6]). Под творческим потенциалом незаконченного текста, вслед за В. И. Тюпой [Там же, с. 17], понимается некая «система указателей», формирующая читательские стратегии, это своеобразные лакуны текста, провоцирующие читателя на сотворчество. Метафорически творческий потенциал можно уподобить матрице, несущей кодовую информацию обо всём недоовещенном тексте. Именно поэтому возможна реализация творческого потенциала в процессе креативной рецепции, когда каждый элемент творческого потенциала незаконченного текста становится подсказкой читателю [1, с. 56].

Рассмотрим это положение на примере творческого потенциала незаконченного романа Ф. М. Достоевского «Мечтатель».

Роман «Мечтатель» Ф. М. Достоевского не был осуществлен в качестве законченного произведения. Упоминание о романе, его замыслы, авторские наброски мы можем найти в рабочей тетради Достоевского 1876 г. (апрель 1876 – январь 1877 г.). Заглавие дано автором, черновик романа состоит из 7 разрозненных набросков, связанных тематически. В первом отрывке появляются герои романа – сам Мечтатель и его семья, показаны отношения между героем и его женой (герой воображает, что жену сжег). Второй, третий и пятый наброски представляют краткие заметки Достоевского о романе (*Мечтатель (его биография), Мечтатель, приезд и отец его, война и спиритизм – всё от Мечтателя, Начало романа. Мечтатель. Два критика. «Но я не в праве писать роман: за мной две статьи»*) [4, с. 8]. Четвертый и седьмой отрывки – наброски диалогов, первый диалог иллюстрирует роль мечты в жизни героя, второй – рассуждения о вере. Особенно стоит обратить внимание на набросок № 6, в отличие от других – он датирован (6 ноября 1876 г.), именно в нем выстраиваются сюжетные линии данного произведения. В ПСС Достоевского приводятся все фрагменты романа, что позволяет читателю составить модель замысла писателя.

К изучению романа «Мечтатель» обращались Г. М. Фридендер и Л. М. Розенблюм. Г. М. Фридендер [7] достаточно подробно описывает замысел, отмечает, что тема мечтательства была социально обусловленной, указывает на близость замысла с «Кроткой», «Подростком», романом «Отцы и дети» [Там же, с. 67]. Л. М. Розенблюм [5] поясняет, что «понятие “мечтатель”» в языке Ф. М. Достоевского имеет совершенно определенный смысл – «человек глубоко неудовлетворенный, ушедший от действительности», говоря об эволюции героя-мечтателя у Достоевского, справедливо отмечает, что «галерея мечтателей была достаточно широкой: от подпольного человека до героя романа “Мечтатель”» [Там же, с. 208]. Высказанные исследователями предположения очень интересны и играют большую роль в изучении данного незаконченного романа, но лакуны открывают перед нами новые сюжетные повороты, позволяющие иначе взглянуть на текст.

Причины незавершенности нам подсказывает сам текст произведения, в наброске № 5 Ф. М. Достоевский фиксирует «Начало романа. Мечтатель. Два критика. “Но я не в праве писать роман: за мной две статьи”» [4, с. 8], в следующий номер «Дневника» обещаны эти статьи, и Достоевский был вынужден вести работу над ними и оставить «Мечтателя», возможно, позднее его завлекли новые, более обширные замыслы, и поэтому роман так и остался незаконченным. Также можно предположить, что Достоевский не решил какую линию в романе стоит развивать, поэтому оставил замысел, но в своих дальнейших произведениях использовал идейные пласты, заявленные в «Мечтателе».

Тема мечтательства у Достоевского получает свое развитие еще в ранних произведениях: «Петербургской летописи» (1847), «Белых ночах» (1848), «Униженных и оскорбленных» (1861), черты «мечтательства» можно найти и в героях более поздних произведений автора: Отчим Неточки – Ефимов «Неточка Незванова» (1849), Родион Раскольников «Преступление и наказание» (1866), Лев Мышкин [3, с. 5-17] «Идиот» (1869).

В ранних произведениях автор показывает интеллигентного мечтателя, особое внимание уделяется социально-психологическому истолкованию. М. А. Белкина отмечает, что в «Белых ночах» мечтатель «во многом превосходящий тип психологически различных героев позднейших повестей и романов 1860-х годов (Иван Петрович в “Униженных и оскорбленных”, Человек из подполья, Раскольников и т.д.)» [2].

Мечтательность как свойство характера присутствует и в героях более поздних произведений «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1869), «Братья Карамазовы» (1880). В этих произведениях мечтатель становится деятелем, это высшая ступень эволюции образа мечтателя в творчестве Ф. М. Достоевского.

Главный герой в набросках романа «Мечтатель» – человек взрослый, семейный. Достоевский впервые планирует создать образ взрослого мечтателя (ему 41 год). «У него сын, которым он мало занимается физически, но духовно (иногда) воспаляет его» [4, с. 8]. Видимо, писатель хотел создать «нового» мечтателя. Довольно подробно описаны взаимоотношения героя с женой. Мечта разрушает его семейные отношения. В своих мечтах он планирует идиллические отношения с возлюбленной. «Он мечтал стать перед ней героем, влюбить ее в себя... После этого их отношения все больше “закрепляются, она любит его ужасно”. Но “параллельно идет действительная жизнь”, “он все портит, всякую действительность мечтами”» [Там же]. Ф. М. Достоевский отмечает, что «жена обманывает его (героя) ложным романом, чтоб возбудить ревность. Он чувствует страдание, но отпускает ее. Хочет убить себя» [Там же]. Здесь впервые появляется мотив самоубийства. Позднее жена «открывается во всем – и в любви, и что верна была, и берет его как он есть. Но он убивает себя» [Там же, с. 9].

Нужно отметить, что замысел романа претерпевал некоторые изменения. В первом наброске «жена умирает, прося прощение по-русски» практически на руках у героя, а в шестом – он заканчивает жизнь самоубийством, а она остается жива. Образ жены героя очень важен, вероятно, изначально этот образ задумывался

как воплощение мечты. В первом наброске герой представляет, что сжег ее (т.е. пытается избавиться от мечты, вернуться в реальный мир), она умирает на железо-конной дороге, отрезало ноги. В данном случае железо-конная дорога представляет собой символ жизненного пути, и тот факт, что героиня лишилась ног, тоже неслучаен – мечта неспособна к действию, она обездвиживает, парализует.

В основе сюжета романа лежит экзистенциальный конфликт. Герой страдает от отсутствия значимой цели в жизни. Он творчески одарен, но ничего не пишет. Его художественная натура близка с натурой мечтателя Ефимова из незаконченного романа Ф. М. Достоевского «Неточка Незванова». Подчеркивается и то, что герой несчастлив, окружающая действительность давит на него, отмечена существенная портретная деталь «*Он с грустным лицом*» [Там же].

Герой небрежен: «раз он вынес позорную ругань от начальника за небрежность». Здесь отмечается и мотив столкновения / противоборства с окружающими, что тоже характерно для типа мечтателя. Эти столкновения являются оскорбительными для героя («*позорная ругань*»), он чувствует себя униженным, его самолюбие страдает. Единственным светом в его жизни остаются мечты, в них он всецело погружается: «*Неужели же вы думаете, что я бы мог жить, если б не мечтал. Да я бы застрелился, если б не это. Вот я пришел, лег и намечтал*» [Там же]. Роль мечты в жизни героя огромна, без нее он не хочет и не может жить.

Появляется еще одна интересная черта мечтателя, отличающая его от героев более ранних произведений, – у него множество великодушных идей: «*Нет, я не очень презираю себя. У меня бывает столько великодушных идей, которые меня так очищают*» [Там же]. Это можно трактовать по-разному: с одной стороны, вероятно, эта черта приближает героя к более поздним мечтателям, здесь можно усмотреть намек на деятельную любовь, но с другой стороны – это не выходит за область мечты, в реальной жизни герой «*насилует себя стать спасителем ребенка*», чтобы казаться себе лучше (стоит отметить, что позднее начинает любить этого ребенка). Порой мечта полностью заменяет герою жизнь действительную, он неадекватно оценивает себя, ведь в мечте он был «*идеалом благородства*». Когда же герой возвращается к реальной жизни, он начинает понимать, что мечта не может заменить жизнь, что нужно учиться принимать реальность / истину со всеми вытекающими из этого последствиями. Его жизнь делится на два полюса: «*Я лгу и живу в мечтательном мире, хочу действительного...*» [Там же]. Откуда берется такое противоречие? Вероятно, реализовать себя в реальной жизни герою просто не представляется возможным (враждебная социальная действительность).

Интересным является и отношение героя к религии – «*Он не знает, религиозен ли он, но выдумал небо и верит в него – и тем утешает себя в недостатке веры*» [Там же]. В мечтах он разрешает играть себе особую роль, он – спаситель! В данном случае его мечты очень амбициозны: «*Мечтает быть Христовым посланником*». Здесь важен мотив спасения сироты и прощения жены. Говоря об отношении героя к религии, стоит уделить особое внимание седьмому наброску, представляющему диалог двух неизвестных (один из них наверняка мечтатель): Сложно сказать, кто из собеседников – герой-мечтатель. Герой № 1 свято верит в Бога, но веру толкует по-своему. Если предположить, что данный герой и есть мечтатель, то в данном отрывке он выполняет придуманную им роль «*Христов посланника*», он ведет человека к вере, показывает, что святой дух есть в каждом. Ведя к вере собеседника, он и сам встает на путь нравственного возрождения. Если же предположить, что мечтатель – герой № 2, то он идет к вере через отрицание. Он не признает ее, но чувствует «*А Дух то, что теперь между нами и почему у тебя лицо стало добрее, то, почему ты плакать захотел, потому что у тебя дрожали губы, – врешь, не гордись, дрожали, я видел. Дух то, что тебя из Америки привело в этот день вспомнить елку Христову в родительском доме. Вот что Дух*» [Там же].

Мечта в набросках к роману показана, как болезнь. Герой страдает от «*паралича мечтательности*», он совершенно отрешается от действительности («*я застрелился бы, если не мечтал*» [Там же]). Мечта в данном случае граничит с ложью: «*он спасался от этого мечтой*», «*Я лгу и живу в мечтательном мире*» [Там же, с. 8]. Конфликт остается неразрешенным, герой не в силах преодолеть свой мечтательный мир и навсегда остается в нем, спасаясь от реальности самоубийством. Важно отметить, что самоубийство показывается автором, как «*одна из болезней века*».

Но самоубийство является совершенно нетипичным для такого типа героя. Как правило, по такому пути идут только те герои Достоевского, для которых нет надежды на духовное исцеление. Те, для кого это является единственным спасением от зла. Главный герой романа таким не является. Мечта у Достоевского (как и сумасшествие) представляется как пограничное состояние – борьба светлых и темных сил в душе героя. Это состояние может разрешиться самоубийством, но только в том случае, если зло окончательно победило, если для героя нет пути спасения. Самоубийство олицетворяет собой духовную смерть.

Прямое упоминание героев «Рождественской песни в прозе» (*Scroudge et Marly*) Ч. Диккенса (1843) в первом наброске является неслучайным. Достоевский намеренно обозначил эту интертекстуальную связь. Мечтатель Достоевского, подобно герою Диккенса, должен был пройти по пути переосмысления и нравственного исцеления, пережить «второе рождение».

Также лакуны текста позволяют нам предположить, что автор хотел провести своего героя от пассивной мечты к деятельной любви. Герой мечтает не о собственной успешности, его мечты великодушны (мечтает быть посланником, усыновить сироту, у него бывает столько великодушных идей – быть лучше, сделать что-то хорошее для других). Вероятно, Достоевский видел именно такой путь развития, но герой был еще слишком незрел. Через четыре года кропотливой работы в свет выйдет знаменитый роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1880). В этом романе читателю представляется совершенно новый тип мечтателя, мечтателя-деятеля, нашедшего свое воплощение в образах братьев Ивана и Алеши Карамазовых. Стоит отметить тематическую и идейную близость диалогов романов «Мечтатель» и «Братья Карамазовы» (разговор, заявленный в 7 наброске) отрывке «Мечтателя», беседа Алеши и Ивана в трактире).

Г. М. Фридендер справедливо отмечает, что «некоторые из психологических черт, первоначально закрепленных за образом Мечтателя, в измененном и переакцентированном виде переходят к герою фантастического рассказа “Кроткая”» [7, с. 17], который и появляется в ноябрьском номере «Дневника» вместо ранее задуманного «Мечтателя». Героиня рассказа «Кроткая» совмещает в себе образы жены мечтателя и отца.

Необходимо отметить, что замысел «Мечтателя» тесно связан с другим незаконченным романом Ф. М. Достоевского «Отцы и дети» [4, с. 6-8]. Данный романский замысел представляет собой несколько самостоятельно развивающихся сюжетных линий. Одна из которых – муж, убивший жену, воспитывающий неродного сына. На близость этих замыслов указывает и авторская подпись в наброске: «*Тип мечтателя*». (Смотри в старых книжках)» [Там же, с. 8].

Таким образом, можно сделать вывод, что незаконченные произведения Ф. М. Достоевского являются творческой лабораторией. Большинство тем, идей, образов из его незаконченных произведений использовались автором в дальнейшем. И именно поэтому, без изучения незаконченного наследия автора невозможно проследить эволюцию его творческой мысли.

Список литературы

1. **Абрамовских Е. В.** Рецептивные стратегии текста non-finito // Вестник южно-уральского государственного университета. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. № 8 (80). С. 56-61.
2. **Белкина М. А.** Натуральная школа // Краткая литературная энциклопедия: в 9-ти т. М.: Советская энциклопедия, 1968. Т. 5. С. 135-137.
3. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1971-1987. Т. 9. 528 с.
4. **Достоевский Ф. М.** Полное собрание сочинений: в 30-ти т. Л.: Наука, 1971-1987. Т. 17. 479 с.
5. **Розенблюм Л. М.** Творческие дневники Достоевского. М.: Наука, 1981. 367 с.
6. **Тюпа В. И.** Творческий потенциал пушкинских набросков // А. С. Пушкин: филологические и культурологические проблемы изучения: мат-лы Междунар. науч. конф. (28-31 октября 1998 г.). Донецк: ДГУ, 1998.
7. **Фридендер Г. М.** Достоевский и мировая литература. Л.: Советский писатель, 1979. 423 с.

THE EXPERIENCE OF RECONSTRUCTION OF AN UNFINISHED NOVEL INTENTION BY F. M. DOSTOEVSKY “THE DREAMER”

Trofimova Anastasiya Vladimirovna
Samara State Academy of Social Sciences and Humanities
nastya-samara@list.ru

The article is devoted to one of the unrealized literary intentions by F. M. Dostoevsky “The Dreamer”. The article reveals the content of notions “incompleteness”, “creative potential”. Special attention is paid to the reconstruction of unfinished novel by F. M. Dostoevsky “The Dreamer”; possible reasons of the unfinished state of the text are noted; relying on the intention lacunas, possible ways of its development are outlined.

Key words and phrases: text lacuna; unfinished works; texts of an open structure; unfinished state; incompleteness; dreamy inactivity; character-dreamer.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются приемы театральной игры в русскоязычных романах В. Набокова. Предметом анализа являются истоки формирования и художественные особенности театрализации в прозе писателя. Внимание акцентируется на разграничении народных площадных и модернистских театральных жанров. Выявляются биографические факты, повлиявшие на выбор автором тех или иных сценических форм. Характеризуются образы, мотивы, коллизии и признаки русского балагана; дается представление об элементах современного театра.

Ключевые слова и фразы: литература модернизма; приемы театрализации; балаганная художественная культура; образ куклы-марионетки; жанр абсурда.

Узбекова Гузель Филаесевна
Бакирский государственный университет
guze-u@yandex.ru

ТЕАТРАЛЬНАЯ ИГРА В РУССКОЯЗЫЧНЫХ РОМАНАХ В. НАБОКОВА®

Принцип игры определяет художественную структуру русскоязычных романов В. Набокова. Он проявляется в стиле, эстетике и мировидении автора-эмигранта. Одним из компонентов художественного метода писателя является театральная игра. Она становится средством изображения бутафорного, «механического» мира «тут».